

А. М. Федина

**Александр Зиновьев:
60—70-е годы
Психолого-лингвистическое
свидетельство очевидца**

1. Предварительное рассуждение о терминах

Всякое событие рано или поздно заканчивается, и у очевидцев и участников остаются воспоминания. В памяти события сохраняются иными, нежели в момент их переживания в реальности. Прошлое осмысляется через то, что сильнее всего переживается в настоящем. В такой логической конструкции основополагающими являются два термина: переживание и осмысление.

Академический словарь русского языка так определяет эти два слова.

Переживание — душевное состояние, вызванное какими-либо сильными ощущениями, впечатлениями.

Осмысление — действие по глаголу осмысливать, находить чему-либо разумное основание, назначение, цель.

Иными словами, в переживании преобладает эмоциональная составляющая, в осмыслении — рациональная.

Основное занятие человека, которому посвящено это издание, — построение доказательств выдвигаемых им гипотез и научных теорий. В связи с этим нам необходимо уточнить значения еще двух терминов: *доказательность* и *убедительность*. В том же словаре эти слова определяются следующим образом.

Доказательность — свойство по значению прилагательного доказательный, подтверждаемость чего-либо неопровержимыми фактами или непротиворечивой системой умозаключений.

Убедительность — свойство по значению прилагательного убедительный, восприятие каких-либо доводов как несомненно верных.

Иными словами, убедительность работает в сфере человеческих эмоций, а доказательность в очень узкой зоне теоретических построений.

2. Переживания: 1965–1978.

В 1965 г., окончив второй курс вечернего отделения философского факультета МГУ, я перевелась на дневное. Нужно было выбирать специализацию, приглянулась логика, и вот почему. Поколение людей, родившихся во время или вскоре после войны, росло в атмосфере превалирования знания над моралью. Недаром какое-то время общество столь сильно занимал спор лириков и физиков, и в этом споре симпатии были на стороне физиков. Они воспринимались людьми, знающими, что творят. Поэты возбуждали интерес, но казались людьми ненадежными. Точных знаний хотелось не только в физике, но и в гуманитарных науках. Математическая логика была как раз такой наукой. Я выбрала кафедру логики, и моим научным руководителем стал Александр Александрович Зиновьев, возглавлявший это направление на философском факультете. Занятия под его руководством шли по простой схеме. За основу была взята книга Алонзо Черча «Введение в математическую логику». Группа, в которой мы занимались, состояла из аспирантов, студентов и двух молодых преподавателей кафедры логики, всего девять человек вместе с Зиновьевым. Это Слава Бочаров, Люба Боброва, Хорст Вессель (ГДР), Юра Смирнов, Галя Щеголькова, Саша Ивин, Женя Сидоренко и я. Один-два раза в неделю мы собирались, кто-то докладывал теоретический материал, затем разбирались решения предлагавшихся в книге Черча задач. Сами решения готовились дома. Проблемы, кто больше успеет в группе, не было. Решил задачу — разбираем на совместном занятии, нет — сделаем это когда-нибудь в следующий раз. По теории все время шли вперед, уровень решаемых задач подтягивался постольку-поскольку. Для студентов решаемые задачи становились курсовыми и дипломными работами и затем перерастали в темы для кандидатских диссертаций.

В 1968 г. диплом был защищен, и я поступила в аспирантуру Института философии Академии наук. Занятия в группе постепенно сходили на нет. У каждого из нас появились свои интересы. Я и Женя Сидоренко учились вместе в аспирантуре Института, оба были прикреплены к сектору логики, и у обоих научным руководителем был А. Зиновьев. Ситуация, которая сложилась в то время в Институте, во многом была схожа с тем, что происходило в обществе в целом. В Институте как бы главенствовали приверженцы ортодоксальной мысли, такие, как Елена Дмитриевна Модржинская или Йово Элез. Но их роль сводилась лишь к оценке той или иной ситуации, как угрожающей существующему строю. В целом с ними мало кто считался. Авторитетными специалистами были такие люди, как Теодор Ильич Ойзерман и Валентин Фердинандович Асмус. Но они, особенно Асмус, ни в какие разборки не вмешивались. Этакое эталоны. Жизнь института определялась деятельностью научных сотрудников, в сферу интересов которых входило освоение гуманитарных достижений новейшей западной мысли. Морально-этические проблемы решались самими сотрудниками весьма просто. Моральное право поступать тем или иным образом определялось приверженностью к познанию современных западных научных систем. Всякий ортодокс по определению был лишен моральных принципов. А знаток работ Э. Гуссерля поступал как порядочный человек, хотя бы потому, что был знатоком Гуссерля.

Позиция А. Зиновьева в подобную систему нравственных координат никак не укладывалась. С одной стороны, он не был приверженцем научного коммунизма, да и в проблемах диалектического материализма его интересовал только их формально-логический аспект, но, с другой стороны, его мало волновали изыски современной западной мысли, поскольку в основном он занимался разработкой собственных логических систем. Как несторонник научного коммунизма, да еще и блистательный карикатурист и один из главных создателей достаточно известной в Москве институтской стенгазеты, он среди признанных специалистов по современной научной мысли считался своим, хотя определенно нуждался в отеческих назиданиях с их стороны. Подобные назидания время от времени случались, но всегда кончались ничем.

Разумеется, добросовестное изложение проделанного в сфере собственных научных интересов другими специалистами — дело благое, особенно в условиях информационного дефицита. А таковой, когда Интернет еще даже не замысливался, наличествовал. Но у людей творчески активных господство пересказа над рассказом обычно вызывает душевную тоску. Таковая тоска явно наблю-

далась и у А. Зиновьева. В личном общении он был ровным, слегка насмешливым, немного робким и тактичным человеком. Он редко впадал в гнев. В тех двух случаях, свидетелями которых я была, его гнев был абсолютно оправданной реакцией на снисходительно-пошлый тон собеседника. А в написанных им в то время картинах проступало такое отчаяние, что мне порой было страшно за его жизнь. Но тогда я объясняла себе это отчаяние каким-то неблагоприятием его душевной организации. В то время я и не подозревала, сколь тесно связан наш внутренний мир с жизнью общества в целом.

Итак, внешне все шло своим чередом. Защитили диссертации его ученики Хорст Вессель, Женя Сидоренко, моя диссертация была на подходе, но сначала я сама тянула с ее завершением. А потом затянулось на несколько месяцев ее обсуждение в секторе логики. Александр Александрович, насколько мог, намекал, что следует торопиться.

В 1975 г. в Институт приехал финский ученый академик Георг фон Вригт. В Москву фон Вригт приехал с женой. Он был гостем Академии наук, и мне было поручено его сопровождать не только в Москве, но и в его поездке в Ленинград. Георг фон Вригт был последним учеником Л. Витгенштейна, и его приезд в Москву был также связан с его желанием выяснить подробности визита Витгенштейна в 1930-е годы в СССР. Фон Вригт был аристократом не только по происхождению и образу жизни, он был аристократом духа. В бюрократично-чванливом обществе советской интеллигенции аристократизм фон Вригта воспринимался как нечто простоватое, тем более что общался он исключительно по-английски. Его значимость была недооценена сотрудниками сектора логики, и забота о его времяпрепровождении в Москве и Ленинграде целиком легла на мои плечи. Поскольку я любила музеи и музыку, то фон Вригт, его жена и я погрузились в мир московских музеев, съездили в Троице-Сергиеву лавру, посетили Московскую консерваторию. Побывали мы по приглашению А. Зиновьева у него в доме, где провели, несомненно, интересный вечер, и в мастерской Э. Неизвестного, где также время не показалось напрасно потраченным. Ленинградские логики оказались еще менее заинтересованными в общении с фон Вригтом, нежели московские. Практически все время пребывания фон Вригта было посвящено культурной программе.

Через несколько месяцев после возвращения фон Вригта в Финляндию пришло официальное уведомление об избрании профессора А. Зиновьева академиком Финской академии наук. Реакция коллег по работе по отношению к А. Зиновьеву была однознач-

ной: ничего особенного не произошло, академический диплом ему передали как обычную корреспонденцию. Разумеется, никаких публичных чествований не было, и я не знаю ни одного случая, чтобы кто-то просто подошел и поздравил его с этим избранием. По отношению ко мне научные сотрудники сектора логики негласно приняли решение, что меня лучше к иностранцам напрямую не допускать. И в дальнейшем свое негласное решение они постарались провести в жизнь.

Здесь я позволю себе порассуждать на тему, чем вызвана подобная реакция прогрессивно мыслящих людей. Мне думается, что подобное поведение типично и оно многое объясняет из того, что произошло в нашей стране уже в 1990-е годы. Как правило, люди не очень задумываются над тем, как тот или иной собственный поступок отразится на их внутреннем самочувствии. Когда ощущается потребность в самооправдании, обычно человеком выдвигаются внешние для него факторы типа «У меня растут дети, мне надо позаботиться о их будущем», «Я могу остаться без работы» и т. п. Поскольку потребность в самооправдании связана с внутренним дискомфортом, то, выискивая внешние факторы для оправдания своего поступка, мы загоняем в подсознание истинную причину недовольства собой. Как это может сказаться на нас в дальнейшем, достаточно подробно описывают теоретики и практики психоанализа. Мне думается, в случае с избранием А. Зиновьева в академики Финской академии наук его коллеги рассуждали так. Мы все время интересуемся тем, что делается на Западе в области логики, Зиновьев этого почти не делает. Тем не менее какая-то иностранная академия избирает его в свои ряды. Скорее всего, это незначительная, простенькая академия, а потому-то и поздравлять его с этим как-то неприлично.

Проблема здесь не в том, как думали коллеги по работе, проблема в том, как относились к подобным рассуждениям люди, далекие от каких-либо теоретических изысканий. Мне кажется, что в советском обществе в 1960–1970-е годы повсеместно сложилось подсознательное восприятие западного мира как более продвинутого и интересного, чем мир коммунистического общества. Специалисты, изучавшие и проповедовавшие мир западной культуры, заранее оценивались этим обществом как люди незаурядные, к мнению которых имело смысл прислушиваться. В социальных спорах выигрывают только те, к мнению которых присоединяется молчаливое большинство. Люди типа А. Зиновьева, В. Похлебкина, А. Сахарова вождями не бывают, у современников они обречены на провал.

Но вернемся к ситуации с А. Зиновьевым. Отсутствие энтузиазма у коллег по поводу избрания его в Финскую академию он воспринял равнодушно, но оптимизма ему это не прибавило. Внутренний конфликт в понимании того, как делается наука, разрастался и требовал разрешения. Естественно, подобного рода расхождения не есть предмет для научных дискуссий. Каждый решает эту проблему сам. Зиновьев нашел единственно доступный для него выход: написал книгу, ту самую — «Зияющие высоты». Порочный круг недосказанности был разорван. С выходом этой книги началась более естественная жизнь.

1976–1978 годы, пожалуй, были самыми необычными в части значимости того, что в это время делалось, и людей, которые в это время возникали вокруг А. Зиновьева. В доме у него за это время побывало множество самых разных и несовместимых в какой-либо иной ситуации людей, но то, что там в это время происходило, всеми воспринималось как нечто весьма важное. Напротив, в Институте философии, откуда Зиновьев был уволен, жизнь потекла скорее по законам сатирического произведения или романа абсурда, нежели реального существования реальных людей. Доктор наук, переводивший на досуге А. Попа, выступая на партийном собрании по поводу недостойного поведения А. Зиновьева, дал понять публике, что, удаляя из своего коллектива сорное семя Зиновьева, мы не должны забывать об оставшихся в Институте корнях, коими является А. Федина. Достойному представителю прогрессивного западного образа мысли вынужден был возразить на том же собрании представитель ортодоксальной мысли Й. Элез, обративший внимание общественности на тот факт, что «корни» на 20 с лишним лет моложе порожденного ими семени. Инцидент отчасти был исчерпан. Но это не помешало отдельным представителям прогрессивно мыслящей интеллигенции написать в партком Института донос на беспартийную Федину или тратить свое драгоценное время ученого, наблюдая за тем, чем занимается в рабочее время все та же Федина.

Странность подобного поведения маститых представителей логической мысли не случайна. Подобное поведение свойственно людям, когда-то уже совершившим поступки, в которых им почему-то не захотелось разобраться, хотя они четко чувствовали, что их не устраивают те объяснения, которые они давали себе или другим по их поводу. Когда некто явным или неявным образом выявляет несостоятельность таких объяснений, ему не следует ждать пощады.

Я прекрасно понимала, что происходившее со мной противоречит расхожему мнению об ответственных и умных, но лишенных

возможности творить добро представителях прогрессивной интеллигенции. После изгнания А. Зиновьева меня чисто по-человечески поддержали рядовые сотрудники Института и непримиримые коммунисты. Первые в силу хорошего отношения ко мне, сложившегося еще до всяких происшествий с Зиновьевым, вторые в силу своей приверженности идее верности каким-либо принципам. Е. Д. Модржинская и Й. Элез при встрече стали здороваться со мной за руку, а когда в секторе логики стало работать совсем невмоготу, помогли мне перейти в сектор этики. Я не собиралась увольняться из Института по собственному желанию, но я вполне отдавала себе отчет в том, что пока я на виду у своих коллег-логиков, неприятностей мне не избежать. Я искала другую работу и как только ее нашла, ушла из Института. Мне нужно было выбирать между наукой и людьми, и я выбрала людей. Все, чем я занималась после Института философии, меня вполне устраивало.

В ситуации с А. Зиновьевым была и другая сторона человеческих отношений. То, что тогда происходило у него дома, воспринималось как нечто более важное, нежели происходившее вне этой зоны. Мне думается, что люди, вместе с другими попадающие в экстраординарную ситуацию, или любыми средствами, даже за счет других, пытаются выбраться из нее, или же неожиданно проявляют незаурядные человеческие качества, и такая ситуация их сплачивает. Они начинают хорошо понимать друг друга и вполне адекватно реагировать на происходящее. Такие моменты не забываются.

3. Осмысление. 1978–2006

В августе 1978 г. мы проводили А. Зиновьева с женой и дочкой в Германию без всяких надежд на будущие встречи. Переживания закончились, началось осмысление. После 10 мая 2006 г., когда завершился земной путь этого человека, осмысление содеянного Александром Зиновьевым стало исследовательской задачей. Творческое наследие этого человека обширно и многогранно, но мне важнее всего рассказать о том, почему его логические работы так и не были восприняты коллегами по профессии должным образом.

Львиную долю в столь серьезной недооценке сыграл тот факт, что А. Зиновьев был «незападным» человеком и по происхождению, и по образу мыслей. В 1960–1970-е годы интеллектуальные достижения в гуманитарной сфере принимались или не принима-

лись обществом по умению проанализировать все проделанное человечеством, особенно западной его частью, в попытке решить ту или иную проблему. Главное в таком анализе — эрудиция. Превосходным образцом здесь могут служить работы невероятно эрудированного С. С. Аверинцева. А. Зиновьев, будучи профессионалом, естественно, был знаком с достижениями своих коллег по профессии, в том числе и западных, но собственный анализ проблем логики в его работах превалировал, вследствие чего работы априори оценивались как доморощенные.

Еще одним важным моментом в недооценке идей А. Зиновьева были психологические особенности его личности. И здесь нам придется воспользоваться еще двумя терминами, о которых говорилось в начале статьи. Все, что делалось А. Зиновьевым в сфере науки, работало в сфере доказательности. Чтобы его понимать, одного восприятия его личности было недостаточно. Как человек, отстаивающий определенную систему идей, он был неубедителен, его выступления не производили впечатления на публику, и ей не хотелось разбираться в том, что он говорит. Коллеги, которым следовало бы в силу профессионального долга разобраться в системе доказательств А. Зиновьева, не стремились этого делать, поскольку считали, что самостоятельные теоретические построения мало что дают, если не являются перепевом и уточнением сказанного и сделанного западными учеными. Как говорится, нет пророка в своем отечестве. И для меня совсем неудивительно, что публика А. Зиновьева знает как автора «Зияющих высот» и создателя мрачных социальных прогнозов. Но он еще и автор пока что невостребованных идей по методологии науки. И мне думается что в недалеком будущем эти идеи будут востребованы.

Почему это так, постараюсь объяснить. Математика, несмотря на все ее успехи в XX в., зиждется на парадоксальных основаниях. До сих пор методологи науки утешали себя тем, что прикладная математика работает и не дает сбоев. Конечно, можно вслед за Д. Гильбертом считать, что Господь Бог создал числа, а все остальное дело рук человека. Творение Божье не подлежит критическому рассмотрению. Но, перепоручая вычислительные процессы машинам, хотелось бы точнее знать, что же при этом вычисляется. Нам следует разобраться в таких вопросах, как «Является ли математическое понятие нуля (или его геометрического аналога — точки) онтологическим, т. е. имеющим статус бытия, или гносеологическим, т. е. имеющим статус инструмента познания». А. Зиновьев отказывает понятию точки (соответственно нуля) в онтологическом статусе. И такой подход приводит к кардинально-

му пересмотру определения этого понятия. Точка не может быть измерена не потому, что не имеет измерений, а потому, что в том или ином познавательном контексте она не измеряется или же нам не следует ее измерять. Если мы занимаемся топографической съемкой, то определенно можем пренебречь объектами с миллиметровыми параметрами, они для нас всего лишь точки, т. е. то, что не следует измерять. Химик, изучающий молекулярное строение вещества, не может пренебречь и меньшими величинами, чем доли миллиметра. Мы будем знать, что мы вычисляем, если науки определятся с тем, что они исследуют. Минимальные величины существуют, но их минимальность определяется исследовательскими задачами. Задача выявления и разработки критериев принятия минимальных отрезков в прикладных науках, мне кажется, уже стоит на повестке дня, и все сделанное в этом направлении А. Зиновьевым имеет смысл хотя бы проанализировать. Я просмотрела в Интернете ссылки на его работы, но мне так и не удалось найти хотя бы одно упоминание о такой его работе, как «Логический интеллект», хотя там обобщены практически все его идеи в области методологии науки.

Творчество А. Зиновьева нуждается в интерпретаторах, умеющих убеждать. И такие уже появились, но пока что лишь в области социологии. Желающих разобраться в том, что было сделано этим человеком в анализе социальных законов, отсылаю к замечательному циклу статей «Памяти Александра Зиновьева» Константина Крылова. Они опубликованы в Интернете по адресу <http://www.apn.ru/publications/article9703.htm>.